

О НЕИЗВЕСТНОЙ РУКОПИСИ ДЖАФАРА ДЖАБАРЛЫ

Ф.Ч.РЗАЕВ

Бакинский Государственный Университет

В истории освоения творчества Л.Н.Толстого в Азербайджане большой интерес представляет неосуществленный замысел постановки на сцене азербайджанского театра инсценировки повести «Хаджи-Мурат». В архиве классика азербайджанской литературы Джафара Джабарлы сохранилась рукопись перевода-инсценировки этой повести Толстого. Перевод датируется 1928 годом, когда широко отмечалось 100-летие со дня рождения Толстого. Рукопись перевода, не привлекавшая до сих пор внимания исследователей, хранится в архивно-мемуарном фонде Азербайджанского государственного театрального музея под инвентарным номером 4108(1). Это несколько простых тетрадей с пожелтевшими страницами, на обложке первой из них написано: «Л.Н.Толстой. «Хаджи-Мурат». Текст написан простым карандашом старой арабской графикой.

Джафар Джабарлы оставил яркий след в истории азербайджанской культуры не только как замечательный драматург, поэт, прозаик, но и публицист, театральный критик, сценарист, режиссер, журналист и переводчик. Джабарлы известен своими переводами произведений классиков мировой литературы на азербайджанский язык («Отелло» и «Гамлет» Шекспира, «Разбойники» Шиллера, «Ревизор» Гоголя и др.). Перу Джабарлы принадлежат и переводы прозаических произведений, в частности, толстовских повести «Детство» и романа «Анна Каренина» (незаконч.). К сожалению, переводческая деятельность Джабарлы до сих пор еще не была предметом специального изучения.

Следует особо отметить, что в целом Джабарлы придавал особое значение творчеству Толстого, в произведениях которого, по его мнению, нашли свое высшее выражение лучшие традиции русского реализма. В 1934 году, выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Джабарлы призывал писателей учиться у Толстого литературному мастерству: «Когда Хаджи-Мурат Толстого, простреленный насквозь, поднимается во весь рост и падает трупом, вам кажется, что обваливается громадная вековая гора. И этому умению, этому искусству мы должны научиться». (2) Отсюда понятно, почему Джабарлы отобрал для перевода повесть «Хаджи-Мурат», хотя его обращение к переводам произведений Толстого, как нам представляется, было обусловлено стремлением творчески освоить художественный опыт русского писателя.

Повесть «Хаджи-Мурат» - одно из лучших и любимых произведений Толстого – всегда вызывала глубокий интерес в Азербайджане и к ней неоднократно обращались представители разных поколений переводчиков русской литературы: К.Карабеков (1912), Б. Талыблы (1929), М. Эфендиев (1958). Однако пере-

вод, выполненный Дж.Джабарлы, до сих пор оставался неизвестен широкому кругу читателей и специалистов.

Анализ рукописи Дж. Джабарлы показывает, что это одна из лучших попыток создания инсценировки по прозе Толстого. Инсценировка «Хаджи-Мурата», выполненная Джабарлы, представляет собой законченную пьесу из восьми сцен (действий), где сохранены основной сюжет, практически все сюжетные линии, воссоздана система образов повести Толстого, причем не только главных действующих лиц, но и второстепенных персонажей оригинала. Джабарлы удачно использовал потенциальные драматические возможности, заложенные в повести Толстого, ему удалось передать в инсценировке на азербайджанском языке глубину содержания, обличительный пафос толстовской повести, ее критическую направленность против политики царской России на Кавказе. Используя различные средства и приемы драматургического и сценического арсенала, Джабарлы мастерски воспроизводит сатирическое изображение Толстым царя Николая и его окружения – министров и придворных, генералов и офицеров из действующей армии, верно передает теплое отношение великого русского писателя к простым людям – рядовым солдатам и офицерам, казакам, крестьянам и т.д. Так, например, Джабарлы отводит место таким второстепенным персонажам, как рядовой солдат Авдеев (дается рассказ о его судьбе), Вавило – денщик офицера Полторацкого, нукеры Хаджи-Мурата – Элдар, Ханефи, Гамзало, Хан-Магома, другие русские солдаты и представители простонародья. Естественно, важное значение придавал Джабарлы воспроизведению в инсценировке образов представителей кавказских народов, передаче особенностей быта, обычаев, культуры, устного народного творчества, исторических реалий, картин природы и др.

Повесть Толстого «Хаджи-Мурат» состоит из 25 глав, различных по объему и функциональной значимости. Значительное место в оригинале повести занимает авторская речь: здесь и описания, и авторские размышления, и субъективные оценки русского писателя. Создавая инсценировку на азербайджанском языке, Джабарлы, естественно, вынужден перекраивать прозаический текст Толстого. Восемь сцен, из которых состоит инсценировка, в большей степени пропорциональны по объему. В содержании этих сцен Джабарлы умело использует отрывки, куски и различные сведения, разбросанные в разных главах повести. Так, например, первая сцена инсценировки включает в себя материалы из I и IV глав оригинала. В ряде случаев Джабарлы создает сцену, где в сжатом виде использует сведения, разбросанные в разных главах оригинала, при этом сцена или эпизод из инсценировки имеют логически законченный характер и «работают» на общий сюжет произведения. Безусловно, при этом часть текста оригинала сокращается, однако Джабарлы удалось использовать в монологах, диалогах и ремарках инсценировки самое важное и необходимое из толстовской прозы. Будучи вынужденным сократить в инсценировке образы некоторых второстепенных персонажей повести, Джабарлы в ряде случаев вкладывает мысли и слова этих героев в уста других персонажей или, опуская некоторые эпизоды из текста оригинала, вставляет важные детали и сведения из них в другие эпизоды, ничуть не нарушая ни логики сюжета, ни композиционного построения инсценировки. Наоборот, содержание различных эпизодов и сцен инсценировки предельно насыщенное, емкое, так как Джабарлы максимально использует речь каждого из

персонажей для того, чтобы в сжатом виде как можно больше и лучше передать самое важное из текста толстовского оригинала. Примером того, как Джабарлы создает сценический эпизод, опираясь на сюжетно-композиционную основу оригинала, может служить сцена в конце произведения, где Хаджи-Мурат решил бежать от русских в горы. В оригинале повести Хаджи-Мурат обдумывает и принимает это решение сам. Размышления героя в оригинале повести представлены в авторском описании Толстого. Толстой в авторском повествовании описывает, как герой мучительно принимает решение, анализируя все аргументы за и против. Этот эпизод играет важную функциональную роль в сюжете произведения. Понимая и учитывая это, Джабарлы в инсценировке создает сцену, где Хаджи-Мурат обсуждает со своими нукерами (слугами), что делать дальше. В диалогах между ними Джабарлы мастерски использовал отрывки и сведения из разных глав оригинала повести. В инсценировке решение о побеге также принимает сам Хаджи-Мурат, но оно пришлось по душе и его нукерам.

Важное место в повести «Хаджи-Мурат» занимает описание царя Николая, военного министра Чернышева, системы принятия решений, взаимоотношений между высшими чиновниками царской России и т.д. Толстой в повести подвергает суровой критике царский режим, его жестокую и часто непродуманную политику на Кавказе, бездарность царских военачальников, страдания рядовых солдат. В оригинале повести это выражается и в художественных образах, и, более всего, в авторских описаниях и размышлениях. Джабарлы удалось передать критическую направленность авторских описаний и размышлений в рукописи инсценировки. Пятое действие в инсценировке целиком посвящено описанию событий в Петербурге, в царском дворце. Здесь, например, удачно построена сцена у царя Николая – диалог царя и военного министра Чернышева, где в монологах и диалогах максимально эффективно использованы отрывки из авторских размышлений Толстого. В устах Николая в этой сцене постоянно повторяются слова о том, «каково было бы России и Европе без меня». Эти слова российского императора Джабарлы сделал рефреном всего пятого действия. Однако содержание действия построено так, что все, что происходит и обсуждается в этом действии, свидетельствует об обратном. В сцене диалога царя и министра Чернышева Джабарлы, сократив часть текста оригинала, оставил то, что, по его мнению, наиболее важно для раскрытия характера императора – его самодовольства, цинизма и бездушия. Примечательно при этом, что Джабарлы в этом эпизоде оставляет распоряжение царя о наказании студента-поляка. Для усиления сценического воздействия и более глубокого раскрытия характера царя Джабарлы приписывает ему слова, отсутствующие в оригинале (в распоряжении царя о наказании студента-поляка): «İt gəgək it kimi ölsün» - «Собаке собачья смерть» (в буквальном переводе с азербайджанского языка «Собака должна умереть как собака»). Эта вставка переводчика-инсценировщика обусловлена содержанием оригинала и является удачным примером краткого изложения в инсценировке вынужденного пропуска больших отрывков.

В рукописи инсценировки Джабарлы проявил себя мастером создания индивидуальной речевой характеристики персонажей, что имеет особо важное значение в драматургии. Речи персонажей строго индивидуализированы и отражают наиболее важные стороны характера, социального происхождения, мане-

ры поведения и т.д. В этой связи необходимо особо отметить индивидуальную речевую характеристику образа Хаджи-Мурата. В повести Толстого его речь значительно отличается от речи других образов краткостью, образностью, точностью, конкретностью. Джабарлы в тексте инсценировки выдерживает толстовскую речевую характеристику, иногда даже еще более усиливая потенциальные возможности, заложенные в прозе Толстого. Образ Хаджи-Мурата в воссоздании Джабарлы получился ярким, рельефным, крупным.

В монологах и диалогах инсценировки Джабарлы Хаджи-Мурат предстает трагической фигурой, зависимой во многом от внешних обстоятельств. Естественно, это находит отражение в его речи, в которой проявляются также и его аналитические способности, склонность к рассуждению, обобщению. Джабарлы для передачи трагического положения Хаджи-Мурата часто использует фразы, которые становятся характерными для этого героя на протяжении всего действия пьесы, отражают его набожность, фатальную веру в судьбу – кому что написано Аллахом, то и будет. Джабарлы использует в инсценировке такие варианты:

Yazı böylə imiş. Allah öz li ilə hər şeyi yazmışdır. - Значит так написано. Аллах все своей рукой написал.

Yazı pozulmaz, hər şey allahın əlindədir. - Написанное не изменишь, все в руках Аллаха.

Allah nə desə, cavab o olacaqdır. - Что скажет Аллах, таким будет и ответ.

Demək, Allah böylə istəmiş, demək yazı böylə imiş - Значит, Аллаху так было угодно» и др.

Джабарлы строит монологи Хаджи-Мурата великолепно, с учетом возможностей и специфики сценического исполнения. В тексте инсценировки монологи и диалоги Хаджи-Мурата, слова других персонажей о нем воссоздают образ толстовского героя со всей полнотой. Человеческие качества и черты Хаджи-Мурата в повести Толстого проявляются в самых различных ситуациях, и в инсценировке Джабарлы удалось добиться создания очень сильного сценического образа. Хладнокровный, смелый и решительный, умеющий сохранять выдержку в самых разных жизненных обстоятельствах, этот суровый горец становится эмоциональным лишь тогда, когда речь заходит о его семье – матери, сыне и других родственниках и близких, которые находятся в плену у Шамиля. Хаджи-Мурат не может скрыть своего волнения и страха за судьбу своих самых близких и родных людей. Джабарлы в четвертом действии инсценировки создал блестящий эпизод, где, используя различные драматургические средства, показывает душевное состояние главного героя произведения. Приведем из инсценировки в подстрочном переводе небольшой отрывок из диалога Хаджи-Мурата с Лорис-Меликовым:

Hacı-Murad – (səsi titrəyərk) oğlumu xilas ediniz, qoca anamı və arvadımı xilas ediniz, onda mən sizə qulluq edərəm və çox işlər görə-rəm, bəli, çox işlər, sən knyaza bunu yaz (Əlini yazımın üstünə qoyur).

Loris – Sən rahatsız olma, hamısını yazaram.

Hacı-Murad – (Yalvarcasına bir oxşayışla) Sən qulaq as, çalış düzəlt, nəyim varsa sənün olsun. Yaxşı, ancaq knyazın yanında kömək et. (Əlini tutub gözlərinə baxaraq) Allah xatirinə, anladınmı? (Gözləri

yaşararaq) Amandır, mən indi bir ip ilə bağlıyam, ipin də ucu Şamilin əlindədir.

Loris – Sən əlbətdə haqlısan, ancaq mənə elə gəlir ki, Şamil külfətini qətiyyənlə verməz və bir təminat kimi saxlar.

Наси-Murad – (Gızgın) Garsılıq vermək lazımdır. Goy knyaz sərdar bütün əsirləri yığıb əvəz versin, qoy pul versin, çox, çox pul versin.

Вот как звучит этот отрывок в подстрочном переводе:

Хаджи-Мурат - (с дрожью в голосе) Спасите сына, спасите старую мать и жену, тогда я буду служить вам и много дел сделаю, да, много дел, напиши это князю. (Кладет руку на письмо.)

Loris – Ты не беспокойся, я все напишу.

Хаджи-Мурат – (умоляющим тоном) Ты послушай, постарайся сделай (помоги), все, что имею, будет твоим. Хорошо, только помоги перед князем. (Держит за руку и смотрит в глаза). Ради Аллаха, ты понял? (Глаза наполнились слезами). Спасите, я сейчас связан одной веревкой, конец веревки в руках Шамиля.

Loris – Ты, конечно, прав, но мне кажется, что Шамиль ни в коем случае не отдаст твою семью и держит их в качестве заложников.

Хаджи-Мурат – (в гневе) Надо совершить обмен. Пусть князь командующий соберет и отдаст взамен всех пленных, пусть даст деньги, много, много денег.

Как видим, в этом эпизоде раскрывается огромное желание Хаджи-Мурата спасти семью, вырвать родных из рук своего врага Шамиля. Никогда он не позволял себе такого поведения, как в этом эпизоде. Здесь Джабарлы с большим мастерством строит диалог, показывая эмоциональное состояние Хаджи-Мурата, умоляющего Лорис-Меликова помочь ему. Для сценического воссоздания эпизода Дж. Джабарлы использует ремарки – «с дрожью в голосе», «умоляющим тоном», «глаза наполнились слезами», «в гневе» и т.д. Следует отметить и то, что в этом эпизоде Хаджи-Мурат ни разу не произносит выражений, связанных с фатальной верой в судьбу и то, что предначертано Аллахом. Приведенные выше ремарки становятся важным инструментом для создания сценического образа, передачи самых характерных и важных элементов толстовского произведения.

В целом в инсценировке Дж. Джабарлы важное значение имеют ремарки, которые отличаются многообразием функций и могли бы значительно помочь исполнителям в создании сценических образов, в понимании особенностей характеров тех или иных героев, манеры их поведения и т.д. В ремарках Джабарлы передает особенности мимики, жестов, тех элементов, которые отражают душевное состояние героев, авторские описания и др. Ремарки Джабарлы краткие, точные, они являются важным инструментом в арсенале драматурга, средством кратчайшим образом передать суть авторской речи Толстого. Дополняя диалоги героев, эти ремарки играют важную роль в выражении идей Толстого, которые Джабарлы считает особенно необходимым выделить и подчеркнуть.

Ремарки, использованные Джабарлы в рукописи инсценировки, можно разделить на группы в зависимости от их функций: ремарки, отражающие авторские описания и характеристики; ремарки, отражающие особенности манеры того или иного персонажа; ремарки, описывающие место события, интерьер, фон и т.д. В целом, следует отметить мастерское использование Джабарлы этого важного сценического средства.

Особый интерес в повести Толстого "Хаджи-Мурат" представляют изумительные образцы фольклора кавказских народов, такие, как песня о кровомщени, "Песня о Гамзате", песня матери Хаджи-Мурата и тавлинская сказка о соколе, которую вспоминает Хаджи-Мурат накануне своей трагической гибели и, которая словно предопределяет его судьбу.

В инсценировке Дж.Джабарлы привлекает внимание переводы двух песен из оригинала - песни матери Хаджи-Мурата и "Песни о Гамзате". В оригинале повести Толстой дает содержание этих песен в прозаической форме. Дж.Джабарлы, опираясь на прозаические тексты этих песен, написал два оригинальных стихотворения. Известно, что Джабарлы начинал свою литературную деятельность как поэт-лирик и его перу принадлежит большое количество блестящих стихотворений. Менее известным является то, что Джабарлы, выступая в качестве режиссера-постановщика своих пьес и пьес других драматургов, часто писал к этим пьесам как тексты песен, так и музыку к ним. Поэтический талант Джабарлы проявился и при написании стихотворений для инсценировки повести Толстого "Хаджи-Мурат". По содержанию и символике, художественно-образительным средствам стихотворения близки к лучшим образцам азербайджанского фольклора и поэзии. Песня матери Хаджи-Мурата переведена в форме стихотворения, состоящего из 20 строк. В этом стихотворении Джабарлы мастерски передает содержание песни из оригинала, причем в инсценировке песня играет такую же ключевую роль в сюжетно-композиционном строении произведения, как и в оригинале. С другой стороны, анализ стихотворения вне контекста произведения показывает, что это самостоятельное и оригинальное произведение. Другая песня – «Песня о Гамзате» - написана в форме стихотворения, которое состоит из 43 строк.

К сожалению, инсценировка Джабарлы не была поставлена на сцене азербайджанского театра. Возможно, в будущем талантливая работа азербайджанского драматурга привлечет внимание театральных деятелей Азербайджана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстой Л.Н. «Хаджи-Мурат». Азербайджанский государственный театральный музей. Архивно-мемуарный фонд, инвентарный номер 4108.
2. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенограф. отчет. М.: Худож. литература, 1934. 718 с. – с.475.

CƏFƏR CABBARLININ NAMƏLUM ƏLYAZMASI HAQQINDA

F.Ç.RZAYEV

XÜLASƏ

Cəfər Cabbarlı yaradıcılıq irsində L.Tolstoyun "Hacı Murad" povestinin tərcüməsi bu günədək tədqiqatçıların diqqətini cəlb etməmişdir. Azərbaycan Dövlət Teatr Muzeyində saxlanan bu əlyazma, Cəfər Cabbarlı tərəfindən Azərbaycan teatr səhnəsində tamaşa qoyuluşu üçün hazırlanmışdır. Məqalədə adı çəkilən əlyazma təhlil olunur, Cabbarlının Tolstoyun povestinin dərin məzmununu səhnələşdirmək üçün tərcümə olunan əsərdə istifadə etdiyi üsullar işıqla-

nır. Məqalədə əlyazmadan gətirilən parçalar C.Cabbarlının istedadlı dramaturq, şair və tərcüməçi olduğunu bir daha təsdiq edir.

ABOUT JAFAR JABARLY'S UNKNOWN MANUSCRIPT

F.Ch.RZAYEV

SUMMARY

«Haji-Murad» by L.Tolstoy in Jafar Jabarly's translation hasn't attracted the researchers' attention for a long time. The manuscript of this work that is being preserved at Azerbaijan State Museum of Theatre was prepared by J.Jabarly for being staged on the arena of Azerbaijan theatre. In the presented article, the above mentioned manuscript is analyzed from the viewpoint of means used by J.Jabarly in order to clarify the profound content of this poem. The extracts from the manuscript introduced by the author of this article testify to J.Jabarly's great talent of playwright, poet and translator again and again.